

Детство.

Мое детство проходило в небольшом поселке при Лопатинской семилетней школе Ельнинского района Смоленской области. В поселке кроме школы было несколько зданий, где жили семьи учителей. Мой отец, Станчинский Андрей Алексеевич, был учителем физики и математики. Мать, Станчинская Елена Кирилловна - домохозяйкой. С отцом она познакомилась, посещая «ликбез», где он преподавал. После окончания педучилища отец был направлен на ликвидацию безграмотности в деревню Жажково Дорогобужского района. С нами постоянно проживала бабушка (мать моего отца) Бай Елена Ивановна и ее мать Екатерина.

Сама школа стояла на пригорке среди редких берез и кустарников. От школы отходило в разные стороны несколько дорог в близлежащие деревни: Лопатино, Фенино, Гаристово, Савостино, Ерилово, Плешивцево, Кондраты, Устиново, Ромашково. Дома, где жили учительские семьи, отделял от школы овраг с небольшой речушкой, которую местные жители называли «Усия». Летом склоны оврага были покрыты цветами, будто покрыты сплошным ковром. Зимой это были хорошие горки, где катались на лыжах, санках и ледяшках. Иногда в играх детей принимали участие и наши родители. Летом вечерами иногда играли в лапту и «малые и старые».

Когда ко мне в гости приходили другие дети с нами много занимался мой отец. Он придумывал разные игры и сам принимал в них участие. Он хорошо играл на гитаре, а мы (дети) приплясывали под музыку. Моя бабушка рассказывала нам много интересных историй, сказок (впоследствии я никогда таких не встречала в детских книгах).

Мое детство закончилось внезапно.

В 41-ом было мне восемь.
Время детства, беззаботных дней.
Но беда ворвалась в жизнь без спроса,
До сих пор нельзя забыть о ней.

Помню жарким был тот день воскресный:
«Дети радостно у речки скачут.
Но, как будто, рухнул свод небесный.
Почему все взрослые так плачут?»

Воцарилась в доме тишина.
Только слышно мухи пролетали.
Повторяло радио: «Война, война».
Немцы вдруг на нас напали.

Вскоре появились самолеты,
Запестрело небо черными крестами.
Вместо грядок стали рыть окопы
Тут же возле дома под кустами.

А услышав рев и дикий вой,
(Так сопровождалась их бомбежка),
Мы бросались в борозду с ботвой,
Где была посажена картошка.

А вокруг гремело, грохотало и рвалось.
От страха даже уши затыкали.
Вот что-то рядом с шумом пронеслось:
Листовки с самолета разбросали.

А в листовках немцы призывали
Без препятствий пропустить вперед.
Ведь враги тогда еще не знали,
За родную землю станет весь народ.

Отца призвали в армию в первые дни войны. Я с матерью и бабушкой оставались в поселке. Когда наша армия остановила немцев под Ельней, у деревни Ушаково шли бои несколько дней. Наши дальнобойные орудия стояли у деревни Лопатино и стреляли в сторону фронта через наш поселок. Мы радовались, когда слышали частые разрывы наших снарядов.

Часто самолеты налетали:
Цель была разбить мосток на речке.
Ночью в блиндаже мы сидя спали,
Не зажигая даже свечки.

Да к тому же Ушаково было рядом,
Где фашистов задержать сумели.
Так что наши дальнобойные снаряды
Через наши головы на фронт летели.

А вот фронт тогда стоял под Ельней,
Слышно было как снаряд летит и как он рвется.
Мы в надежде думали, что залп последний,
Что теперь то «немец» восвояси уберется.

Но увы, пришлось нам отступить,
Чтоб потом был Курск и Сталинград,
Чтоб в столицу «нечисть» не пустить,
Чтоб фашистов повернуть назад.

Когда в том месте, где мы жили, стало находиться не безопасно, нас - детей и женщин из учительских семей отвезли в соседнюю деревню Плешивцево. Там на опушке леса стоял колхозный сарай, где и пришлось остановиться на несколько дней. Неподалеку было колхозное поле, на котором рос горох и деревенские дети бегали туда полакомиться горохом.

Однажды решила отведать горошку,
Что в поле посеян был ранней весной.
А «немец» заметил и начал бомбежку,
над полем гонялся за мной, за одной.

Вот вижу летит он с пронзительным воем,
Я к маме бегу, спотыкаясь и плача,
Вот-вот он уже над моей головою,
На землю бросаюсь и голову прячу.

И «Мессер» прошел надо мною так низко,
Что в поле береза от ветра согнулась.
И взрыв прогремел очень уж близко,
Земля подо мною вся содрогнулась.

Меня не задело, землей припорошив,
А «Мессер» пошел на новый заход.
Вот так мне достался зеленый горошек,
Вовек не забуду я этот поход.

А бомбы бросал не один только раз,
Пока до деревни я добежала.
Мне страшно становится даже сейчас,
Тогда же от страха я просто дрожала.

Наша армия удерживала немцев какое-то время под Ельней и мы надеялись, что немцы дальше не пройдут. Мы снова вернулись домой, но наши орудия замолчали. По дороге, которая была прямо за нашим сараем, пошли машины в обратную сторону, т.е. от фронта, а потом пошли и пешие. Машины, орудия, пешие солдаты шли сплошным потоком. Многие шли с забинтованными головами, руками. Никто ничего не говорил, не объяснял и не рассказывал, но по выражениям лиц и поведению было видно, что люди от отчаяния не знают что делать. Я поняла, «наши» отступают, и мне стало очень страшно. Я села возле сарая у дороги и заплакала.

Вдруг возле меня остановилась крытая машина. Из кабины вышел офицер с забинтованной рукой на подвязке и спросил меня, почему я плачу. Я сказала, что мне страшно и я очень боюсь немцев. Он пожалел меня и попросил позвать маму. Так мы оказались в машине, где уже было несколько человек мирных жителей. Они, как и мы с мамой, оказались случайными пассажирами, ведь никто не хотел оставаться и попасть в плен. Мама с собой взяла какой-то узелок, а я свой портфель с книгами для 2-го класса (до войны я окончила 1 класс).

Мы ехали долго. Наступила ночь, потом утро, иногда были короткие остановки, при которых можно было осмотреться и сориентироваться. И только к вечеру машина остановилась. Нам открыли дверь и сказали: «Мы окружены, спасайтесь, как можете». Мы выскочили из машины и оказались на огромном поле, где беспорядочно стояли военные машины, танки, а метрах в 100-150 были видны кусты. Нас окружали грохот и крики. Вокруг стреляли, свистели пули. Мама сказала мне ползти к кустам, а сама поползла за мной. В кустах оказался овраг, где уже было много людей, и мирных и военных, все лежали, припав к земле. На краю оврага появилась шеренга немцев с автоматами на животе. Они поворачиваясь стреляли и что-то кричали. Я поняла только: «Рус, сдавайсь».

Много людей осталось лежать в том овраге. Возле меня убили старушку и молодого бойца. Кто-то из военных крикнул: «Это будет со всеми, поднимайте руки и выходите, может быть хоть кто-то останется в живых». Люди стали поднимать руки вверх и выходить из оврага. Так и мы с матерью оказались на поле, где уже кроме наших машин было много немецких танков. Немцы с автоматами сортировали людей: мирных в одну сторону, военных в другую, причем обязательно у мужчин смотрели на голову: если даже не в форме, но не подстрижен, кричали «офицер» и многих расстреливали на месте. Один наш офицер вышел в полной форме, его тут же бросили под танк на глазах у всех: военных, мирных, женщин, стариков, детей и сказали по-русски: «Кто не будет повиноваться, того ждет та же участь».

Нас построили в колонну, приказали стать на колени, а сзади подогнали танк и объявили, что все пойдут в деревню, но кто свернет с дороги - будет расстрелян. Мы с матерью оказались последними в колонне, шли очень быстро со скоростью танка, который грохотал сзади. У меня развязался шнурок на ботинке, и я чуть не упала под танк, мать удержала меня за руку.

Наступили сумерки, начало темнеть. В деревне разрешили заночевать, но уходить запретили. Мы разместились в доме, стоящем рядом с большим колхозным сараем. Ночью, я проснулась от того, что мать будила меня и одновременно пыталась обувать. В доме было светло как днем. Я услышала грохот, треск, дикие вопли и крики. Это горел сарай, куда немцы поместили раненных, а может и не раненных наших солдат, закрыли и подожгли. Пламя разгоралось все больше и больше и начало перебрасываться на наше временное убежище.

Мы выбежали на улицу и побежали, не помня себя от ужаса. Я выбежала в темное поле, где свистели и сверкали пули. Сзади звала меня мама, но остановиться я не могла, пока не добежала до какой-то траншеи, где уже находились люди. Какая-то женщина ухватила меня и прижала к земле, там и нашла меня мать. В этих траншеях мы встретили рассвет и провели день. Сначала стрельба была близко, потом рядом стали рваться снаряды. Стало понятно, что фронт уходит от нас. Все эти события происходили где то недалеко от Вязьмы, и описаны в стихотворении.

Стремительно быстро года пролетели.
Победный наш день еще раз настает.
И дети войны уже все постарели,
Но ужас далекий уснуть не дает.

Закрою глаза, стараясь отвлечься,
И вижу то поле и танки на нем.
Лежим за пригорком, от пуль уберечься,
А сверху фашист поливает огнем.

Уж рядом солдат заливается кровью,
Чуть дальше старушка от боли кричит.

Навеки затих, что лежит в изголовье.
Автомат без умолку строчит и строчит.

К земле я прижалась – боюсь оторваться,
А мама меня укрывает собой.
Вдруг кто-то сказал: «Придется сдаваться,
Как видно, пока проиграли мы бой.»

И мы выходили, подняв в небо руки,
А если замешкал – приклад по спине.
Пусть помнят всегда и дети, и внуки
Всю чистую правду о прошлой войне.

В колонну собрали лишь штатских всех вместе:
И женщин с детьми, стариков, молодежь.
Кто в сторону шаг – стреляли на месте,
А если отстанешь – под танк попадешь.

Ведь танк, развернувшись, пристроился сзади.
Со скоростью танка должны мы идти.
Почти что бежали, под ноги не глядя,
За руки держались, стараясь спастись.

Нас только под вечер в деревню пригнали,
Где-то под крышей рассвета дожждаться.
Совсем обессилев мы еле стояли,
Хотелось прилечь и к маме прижаться.

В крестьянской избе нас тогда приютили,
К стене прислонившись, нас сон одолел.
Ночью вдруг мама меня разбудила:
(рядом сарай колхозный горел).

В сарае горящем стонали, вопили,
Сквозь треск доносился неистовый крик.
«Раненных пленных туда привозили»
Тихо сказал хозяин – старик.

Пламя лизало нам окна и крышу.
Не помня себя, я в поле бегу.

Что мама зовет, конечно, я слышу,
Остановиться никак не могу.

Пули над полем свистели, сверкали,
Будто на праздничной елке огни.
Какие-то люди меня задержали,
Укрыться от пуль все в канаву легли.

Хоть мама была со мною, тут рядом,
охватывал ужас от страшного воя.
Вот так мы познали их «Новый порядок»,
В первый же день фашисткой неволи.

Когда стрельба утихла, люди стали понемногу расходиться. Мы стали пробираться пешком от деревни к деревне в сторону Восточного района. Там до войны в деревне Кислово жила мамина сестра Марфа Кирилловна, которая работала учителем Кисловской школы. Когда мы добрались до этой деревни, там маминой сестры уже не было. Как только пришли немцы, сестра погрузив вещи на корову уехала в сторону Дорогобужского района в д. Жажково (это была их родина).

В д. Кислово мы пробыли недели две, потому что хозяйка дома, в котором мы остановились, попросила хоть немножко побыть с ней и сыном. Сына звали Ваней, который был одинакового возраста со мной. Дом был большой и в нем жили немцы, а мы все ютились в каморке за печкой.

Несколько моментов того времени запало в моей памяти. Однажды, немцы, завалили шумной толпой в дом, при этом бурно и громко разговаривая на своем языке. Нам, сидя за печкой, все было слышно, но ничего не понятно. Тогда мальчик Ваня говорит своей матери: «Мама, ну скажи, о чем они говорят, я ничего не слышу». Эта просто оговорка (слышу вместо понимаю) осталась у меня в памяти, наверное, потому, что на фоне всех событий и переживаний даже

самый маленький повод для положительных эмоций выглядел как что-то сверхъестественное. Еще помню, как немцы ходили по домам и требовали: «Матка яйца, матка млеко», забирали кур, свиней. Хозяев заставляли ловить свой скот и отдавать им. Однажды и нас заставили ловить во дворе хозяйского большого поросенка. Он бедный визжал, метался из стороны в сторону, а моя мать, как будто не нарочно расставила ноги и поросенок убежал. Матери попало нагайкой через плечо.

Это было в конце лета или начало осени. Я помню это, потому что все начали копать картошку. Огороды были за деревней и каждая женщина копалась на своем участке. Я видела, как несколько немецких солдат шли по огородам и поднимали палкой головы всем копающим женщинам. Некоторых они забирали с собой. Потом эти девушки и женщины возвращались в слезах, но ничего не рассказывали. Наша хозяйка и моя мама тоже ходили копать картошку, но одевались при этом в грязную одежду, распускали волосы и грязнили специально лицо.

Из Кислова мы стали так же пешком пробираться в Жажково Дорогобужского района. Там были родственники, но жилья не было. Когда мы добрались до них, то поселились в чьей то бане (все называли баню Митрушкиной) все вместе: мы с матерью, две маминых сестры с детьми: Марфуша с сыном Вячеславом трех лет и Проскосья с дочерью Валентиной двух лет и наша бабушка по материнской линии Евдокия. До нас дошли слухи, что в соседней деревне немцы убивали мальчиков, как будущих солдат. Поэтому, когда в деревне были немцы, мамина сестра надевала на своего сына Славика платице.

Нашу деревню окружал лес, в котором обосновались партизаны, поэтому немцы навевались к нам только днем, а ночью иногда приходили партизаны, которым жители деревни передавали продукты. Мать сходила в деревню Лопатино (где мы раньше жили) и привела нашу корову, которая впоследствии и кормила нас всех. Моя мама нашла связь с партизанским отрядом «24 годовщины РКК», стала им помогать, собирала сведения о расположении немцев. В д. Торжок, шила теплую одежду и рукавицы, потом работала

санитаркой в санчасти партизан, расположенной в д. Жажково. В то время немцы приезжали в деревню редко – боялись. Потом стали приезжать чаще, стали прочесывать лес.

Однажды из лесу к нам пришел юноша, звали его Евгений. Родители его жили в соседнем районе, и попросил помочь перебраться к ним. Тогда запрещалось хождение из деревни в деревню. Мать собрала меня, завязала платок парню, будто болят зубы, и мы двинулись в путь. Немцам, которые нас останавливали, она говорила, что ведет детей в соседнюю деревню то к врачу, то к бабке и нас отпускали. Последние 3 километра перед их деревней мы шли полдня, так как дороги не было, поле было заминировано. Мать рассматривала каждый сантиметр земли, наступала, а следом в этот же след наступали и мы. Кстати, после войны этот парень разыскал мою мать, чтобы поблагодарить и подарил фотокарточку, которая хранится сейчас в музее войны г. Смоленска.

Партизанам стало опасно приходиться в деревню за продуктами, так как там постоянно находились полицаи. Эти предатели прислуживали немцам как псы за паек, за власть над односельчанами. Был случай, когда в д. Уранино пришел партизан к своим родственникам, и кто-то донес из местных полицаев. Немцы дом окружили, сначала обстреляли, а потом подожгли.

В мае 1942 года для поддержки партизан мать отдала в лес свою корову, которая кормила нас все это время (справка о передаче коровы в партизанский отряд находится в музее войны г. Смоленска).

Городской комитет здравоохранения Дорогобужского р-на Смоленской обл.	Справка
№ 89/0452	Возникла необходимость ср-но
от 6 августа 1945г.	Виталийская Валентина Кирилловна
Сарадковской ср. к-за "Красный Луч" Дорогобужского р-на, его лично в 1942г. в малом числе сдала добровольно	в том, что действительно в период временного пребывания на территории
Корову для лечения партизанских частей	что и удовлетворяется
	А. Лесневский Секретарь. Подпись. Я. П. Сидорова

Летом 1942 года, примерно в июле (я помню, стояла сухая, жаркая погода) в помощь партизанам в лес недалеко от д. Жажково ночью сбросили десант. Это было замечено немцами, или это была засада, но немцы открыли стрельбу по парашютистам, которые находились еще в воздухе. Спустя два дня, утром мать мне сказала звать соседских девочек и идти собирать ягоды.

Мне было 9 лет, а соседским девочкам 10 и 11 лет. Моя мать была смелая, решительная, добрая и отзывчивая. Она помогала тем, кому требовалась помощь, иногда даже рискуя собой. Она взяла корзинку с двойным дном, положила туда солдатскую лопатку и мы пошли в лес. На опушке леса мы заметили белый парашют. А недалеко в кустах мы нашли человека, который лежал вниз лицом и не подавал признаков жизни. Правая рука была откинута в сторону, возле нее была свежевырытая ямка глубиной сантиметров двадцать и сломанная ложка. Это был парашютист, раненный в ногу. Боясь быть замеченным, он отполз от своего парашюта на столько, насколько хватило сил. Он изнывал от жары и жажды, поэтому пытался выкопать ложкой яму, чтобы добраться до воды, но безуспешно.

Только услышав детские голоса, он пошевелился. Мама перевязала ему ногу, раненная коленка уже загноилась, и в ней завелись черви. Это был молодой парень, звали его Виктор. Больше

ничего о нем не помню. Когда мы уходили от него, мать пообещали вернуться за ним вечером, потому что днем в деревне были немцы. Он не поверил и заплакал, а потом попросил принести хотя бы стакан молока попить. Когда наступили сумерки моя мама с помощью пожилых людей деревни перенесли раненного в нежилой дом соседней деревни Памятка. С тех пор и мы с матерью поселились в том доме.

Возле леса деревушка,
Летом лес богат дарами.
Мама шепчет: «Где подружки?
Пусть пойдут по грибы с нами.

Немцем скажем, что пора
Созреть ягодам в лесу,
Ведь давно стоит жара.
Так корзинку пронесу.»

Вот и к лесу мы подходим,
Ни грибов, ни ягод тут.
В перелеске мы находим,
Ветром вздутый парашют.

Мать созналась перед нами,
Зачем в лес позвала нас,
Что совсем не за грибами,
Есть лопатка про запас.

Партизанам в подкрепление
Ночью сбросили десант:
Бойцов в полном снаряжении,
Может даже провиант.

Немцы сильно всполошились,
Что кричали не понять.
В лес поехать не решились,
Только начали стрелять.

«Видимо попали, гады,
Разойдитесь по одной,
Человека искать надо.
Может, даст бог, он живой.»

Оглянулись: за кустами под березой
Лежит не двигаясь солдат.
Не сдержали свои слезы,
Может он кому-то брат?

А быть может он отец,
Был кормилцем в семье.
Все равно он наш боец,
Лежит не преданный земле.

В деревню на погост – опасно.
Там карателей отряды.
Похороним здесь, согласно
Христианскому обряду.

Идем ближе к парашюту,
Сквозь кусты, валежник, лом.
Вдруг слышалось кому-то
То ли шепот, то ли стон.

Мы притихли и не дышим,
Донеслось лишь слово: «Пить» -
Он живой, и нас он слышит,
Быстрой туда. Он должен жить!

Лежит парень молодой,
Старше нас совсем немножко,
С перебитою ногой.
Рядом сломанная ложка.

Руками землю обнимает,
Одежда в спекшейся крови.
Слышит – дети, понимает,
Что поблизости свои,

Лишь тогда он застонал,
О себе дал знать.
Ложкой землю он копал,
Чтоб воды достать.

У нас собой была вода
И чем раны завязать.
«В деревне немцы – вот беда»
Ему сказала мать, -

«Потерпи сынок до ночи,
тебя от сюда заберем.»
Он заплакал сильно очень,
И, конечно, мы ревом.

Прошептал парень рыдая:
«Коль нельзя забрать пока,
Принесите, умоляю
Хоть глоточек молока.»

Мы спасли того солдата,
Поселились мы тогда
В совсем заброшенную хату,
Будто жили там всегда.

А кто ранен и не местный,
С собой немцы увозили.
Потом ,точно нам известно,
Его мертвым находили.

Трудно было, я не скрою
От фашистов отстоять,
Но стояли мы горою
И не дали расстрелять.

Долго мать лечила раны.
Добывала для нас хлеб.
Он подался в партизаны,
Как совсем-совсем окреп.

В том доме вместе с раненым Виктором мы прожили всю зиму. В ту зиму к нам ночью очень часто приходили партизаны, забирали кое-какие продукты, перевязочный материал и спирт, приготовленный мамой, а также за сведениями о расположении немцев. Эти сведения иногда собирала я. Играя на улице, я всегда считала, сколько машин проехало и сколько мотоциклов.

В этой же деревне в других домах были еще два легкораненых, вышедших из леса, и которых приютили местные жители. Фашисты дознались о них, приехали и забрали их с собой, сказав, что в госпиталь. На самом же деле их вывезли за деревню и расстреляли. За нашим солдатом тоже приезжали, расстилали плащ-палатку, чтобы его забрать, но мать сказала, что это племянник. Мы со слезами на глазах загоразивали его кровать и просили оставить. В конце концов, нам поверили и оставили в покое.

Однажды мать сказала, что немцы узнали о связи с партизанами и нам надо уходить. Далеко мы уйти не смогли и нас забрали. Сначала держали в какой-то избе несколько семей вместе. Есть было нечего и поздним вечером (было темно на улице), отворилась дверь и по полу в избу вкатилось что то круглое. Все оцепенели, подумали, что это мина или что то в этом роде. Первой подошла посмотреть на предмет мама, оказалось что это хлеб. Видно кто-то из местных решил незаметно подкормить.

Потом мы были в каком-то лагере. Я не помню названия, только помню, что заставили всех кто там был (женщин, мужчин, детей) раздеться до гола, и проходить мимо немцев, которые каждого осматривали с помощью палки и показывали, куда идти дальше. Мы попали в толпу для отправки в Германию. Нас погрузили в машины, а потом на станции посадили на товарный поезд и повезли, как возят скот. В вагоне было холодно и грязно. Люди сидели и лежали прямо на полу. Еды не давали, только на остановках разрешали где-то набрать воды.

Привезли нас на биржу продажи и продавали как скот. Помню двор большого дома, где всех женщин, девушек и парней построили в длинные шеренги. Детей было мало. Мимо нас проходили продавцы и покупатели и показывали палкой кого выбирали для покупки. Нас с матерью выбрали не сразу, потому что мать меня крепко держала за руку и не давала разъединять.

В конце концов, купил нас крупный хозяин, и увез к себе. Не помню точно как назывался населенный пункт, но в названии было слово Дорф. Нам дали квадратики из белой материи, где темным цветом было написано «OST». Эту надпись надо было нашить на грудь. Поселили нас в кирпичный хлев, через стенку со скотом. На цементном полу постоянно стояла навозная жижа. Жили там вместе две девушки из Белоруссии, один юноша-поляк, мы и еще один парни (не знаю от куда). Спали на двухэтажных нарах.

Мать работала вместе с другими батраками на полевых работах, а меня заставляли пасти гусей на полях после уборки хлебов. Хозяйка мне сразу пригрозила, что снесет голову, если пропадет хоть один гусенок. Гонять гусей надо было через шоссе, далеко от деревни. Гуси были совсем не послушные. Бывало: сидят или ходят тихо и спокойно, а потом вдруг крыльями замашут и перелетают куда хотят, даже через меня. Я бегаю за ними, плачу, начинаю пересчитывать – не получается. Гусей было более пятидесяти.

Иногда перегонять их через шоссе мне помогала девушка – дочь хозяйки. Однажды она пришла встречать меня с гусями и положила мне в руку печенье. Это было единственное лакомство за все те годы. Кормили нас гороховой и брюквенной баландой в отдельном помещении два раза в день – утром и вечером.

Есть хотелось всегда, поэтому, когда начали копать картошку, работники принесли немного картошки в надежде испечь ее потом на костре. В то время не надо было гонять гусей, потому что их посадили на откорм, и я постоянно находилась в «хлеву». Зашла хозяйка и увидела картошку. Она схватила меня и стала бить об стенку, она хотела знать, кто принес картошку. Я как-то вырвалась и

побежала уже по мерзлой земле босиком в поле, где работала моя мать. Она сняла платок со своей головы и стала отогревать мне ноги.

Что такое за граница?
Это место, где нас нет.
Кое-кто туда стремится.
Я была там, в 10 лет.

Кто-то думает там рай,
Бедноты там нет в помине,
А я помню лишь сарай,
Где за стенкой были свиньи.

Стены там: кирпич был красный,
Пол бетонный, в центре лужа.
Сырость, запах там ужасный:
Из-за стенки текла жижа.

Двухэтажные там нары,
Без постельного белья
Кое-где тюфяк был старый
Из какого-то гнилья.

Лежали прямо на соломе,
Что сами с поля принесли.
Ни тепла, ни света в доме
Даже днем" хоть в газ коли".

Об удобствах промолчу
Негде даже рук помыть.
За стеной, на улице "хочу"
Как же мы смогли там жить?

А жили там не только мы.
Из многих стран там вместе были
И рабыни, и рабы
Кого фашисты захватили.

Рабы работали на ферме,
На полях округи всей.
На жнивье, уже на стерне
Я одна посла гусей.

Приходили, как стемнеет,
Уходили на заре
Дважды в день баланду ели
На том скотном, на дворе.

Иногда были лепешки,
Из отходов их пекли.
Хоть бы раз дали картошку,
Что б наестся мы могли.

А однажды кто-то с поля,
Картошин несколько, принес.
И хозяйка в дверях стоя,
Учинила мне допрос.

В дикой ярости кричала:
«Кто? Когда? Посмел такое.
За грудки трясла сначала,
Потом об стенку головою.

Я как-то вырвалась, бежала
По морозу босиком.
Потом в поле я лежала,
Укутав ноги маминым платком.

У мамы была единственная красная косынка, которую она повязывала на голову. Хозяину это не нравилось, и он несколько раз срывал с головы косынку и говорил при этом: «коммунист».

В этой местности стояла немецкая часть. Однажды мы оказались недалеко от нескольких немцев, а по дороге шли их танки «Тигры». Я услышала как один немец, стоящий невдалеке сказал радуясь: «Русиш капут». Я тут же для себя сделала жест и сказала: «Вот что вашим

танкам будет». Немец заметил, выхватил пистолет и стал целиться в меня. Мама тут же загородила меня собой и стала объяснять, что он не так понял. Этот жест – давить вшей ногтем – знали все. Вшей было у всех много, с головы до ног. Бывало зачесется где то, отвернешь одежду, возьмешь и к ногтю.

Кстати, юноша поляк, который жил с нами вместе долго не снимал свою рубашку, другой не было. Когда кто-то предложил ему переодеться, что бы постирать рубашку, он не хотел снимать. Говорил, что когда освободят, то поедет в ней к своему отцу, который сам его отправил работать в Германию. Пусть посмотрит, в каких условиях жил сын. Но когда сняли рубашку, там не было свободного места от вшей. Рубашку сожгли на костре.

Зимой, когда фронт стал приближаться, местные немцы зашевелились. Они не хотели оставаться, чтоб не попасть в плен к русским. Они хотели сдаться американцам или англичанам. Хозяин отдал нас с матерью другой хозяйке, которой понадобилась возница. Немка погрузила все свои вещи на две подводы, и мы отправились в путь. На одной подводе она ехала сама, а на другую посадила свою престарелую мать. Моя мама шла рядом со второй подводой и управляла ею, а я бежала сзади, как собачка. Мама говорила мне прицепиться к возу, но как только старуха видела, что я держусь, сразу отталкивала меня ногами.

Помню, что был сильный мороз, и я отморозила пальцы на руках и ногах. Ехали мы несколько дней, с остановками и ночевками. Доехали мы до большого населенного пункта (названия не помню), где все дороги, площадь и все пространство было забито повозками и машинами. Дальше ехать было некуда. Хозяйка послала мою мать вперед посмотреть, куда бы проехать. Мама взяла меня за руку, и мы пошли, но не по дороге, а за дом, потом бежали дворами подальше от дорог. К нам присоединились еще две девушки.

Уже начинало темнеть, когда мы добрались до окраины и нашли небольшой пустой дом. Мама спрятала меня в огромный ящик и приказала не высовываться, если будет стрельба. Мы знали, что немцы, отступая, расстреливали всех русских, которые попадались

под руку. Но к нашему счастью в этот дом за ночь никто не пришел. На рассвете стали осторожно наблюдать за улицей. Стрельбы уже не было слышно. Кто-то заметил, что между домами пробежал человек, потом второй. Когда мы поняли, что это наши бойцы, то выскочили на улицу и от радости начали плакать и обниматься.

Потом нам принесли еду, и спросили, кто умеет шить. Моя мама тут же вызвалась. Солдаты притащили в дом швейную машинку, материал и мама начала шить рукавицы. Девушек сразу отправили, а мы еще несколько дней оставались в этом доме.

Стала слышна канонада,
Значит враг отбит.
От Москвы и Ленинграда
Он назад бежит.

Путь обратный пройдет тот же,
От Москвы до Бреста.
Не учли враги, похоже:
Им у нас нет места.

Как мы ждали избавленья
От неволи и от пыток.
Пришел час освобожденья,
Враги все разбиты.

Обнимались мы при встрече
С нашими бойцами.
Рады были родной речи,
Слезы текли сами.

Спасибо воинам – героям,
Добыли нам свободу.
Они, рискуя головою
Верны своему народу.

Потом нас отправили в Волковиск, в проверочно-фильтрационный пункт. (Справка о прохождении хранится в музее). Это было в феврале 1945 года. После этого матери выдали документы и мы возвратились в Лопатинскую школу Ельнинского района, где жили до войны.

НКВД СССР

Видом на жительство служить не может

Проверочно-фильтрационный пункт Действительно по 10 марта 1945 г.

Город Волковиска

УДОСТОВЕРЕНИЕ 2812

Выдано Станиславской Елене Миримовне
(фамилия, имя, отчество)

года рождения 1914 место рождения г. Ново-Буробужского р.и. Великопольской губернии

в том, что он по призыву из г. Гродно м-ца по 9 декабря

м-ца 1945 г. содержался в Волковиска проверочно-фильтрационном пункте НКВД СССР и следует к избранному месту жительства Великопольск. в.г.
(указать точный адрес)

по приезде к месту жительства должно быть сделано в месячный срок получение вида на жительство

Начальник проверочно-фильтрационного пункта (печать)

(подпись)

Волковиска
Станиславская Елена Миримовна
10 марта 1945 г.
Нейтралитет
Волковиска
11 мая
Браун

Все громче слышатся раскаты,
То не тучки грозовые подошли.
А то Красной Армии солдаты
Гонят «немца» прочь с своей земли.

Ничего, что раньше отступали,
До Москвы до самой отошли.
Все равно враги теперь узнали
Сколько стоит пядь чужой земли.

После войны я сразу пошла в третий класс. Помогали сверстники и учителя, ведь я до войны закончила только первый класс. Бабушку Лёлю (так все звали папину мать) и бабушку Катю, которые жили с нами до войны, немцы тоже куда-то угоняли. Вещи наши не сохранились. Сохранилась только швейная машинка у соседей, на которой зарабатывала еще моя прабабушка Екатерина (мать бабушки).

Мама стала шить, кто что попросит. Платили тем, что было: картошка, капуста, яйца, молоко и другие продукты. Кстати, моя мама умела делать все: шила белье, одежду (даже верхнюю), шапки. Мне рассказывали, что она когда-то сшила папе сапоги. Она пряла и ткала, могла сплести корзину из лозы, косила и сама отбивала косу, могла запрячь лошадь и т.д. Хотя она никогда не училась в школе, многие к ней обращались за советом и помощью.

Когда наступило лето, мама еще взялась пасти коров за еду. Т.е. кормили по очереди, чьи коровы паслись. Пасли коров мы с мамой вместе, а ходила кормиться я одна.

Отец вернулся домой в ноябре 1945 года и продолжил работу в той же школе в качестве преподавателя физики и математики. Он хорошо рисовал и писал стихи, оформлял стенгазеты, ходил с учениками в походы. Сохранились его записи об лучших учениках с первого выпуска школы (1935г.) до ухода на пенсию. Сохранился дневник похода с учениками в Новоспасское.

Он изготавливал разные приборы для занятий по физики. Сохранились фотография с демонстрации своих изделий в Смоленске и грамота Смоленского областного отдела народного образования за успешную работу по обучению и воспитанию учащихся (1969г.).

Я училась у отца до 7 класса и могу сказать, что он хороший учитель. В последствии у меня никогда не было трудностей с математикой ни в Ельнинской школе, ни в институте. Он был строгий, но очень добрый. Уроки проходили интересно, иногда все принимали участие в каких-то опытах. На геометрии начертит на доске треугольник боком или кверху ногами (не так как в учебнике) и чтобы доказать теорему не поможет зубрежка. После войны учебников было мало, поэтому учили группами и по очереди. Тетрадей не было, поэтому приходилось писать на старых книгах и газетах между строчками. Писали чернилами, сделанными из свеклы.

В нашем доме всегда было добро и тепло. Хотя я у родителей была одна, но у нас всегда кто-то жил из детей маминых сестер: Ефимии, у которой было 9 детей (муж погиб на войне) и Анны, которая была участницей войны и работала в Ельне (на фото Владимир, сын Анны) Они называли моего отца папой, а мою мать – мамой. У них было две матери: мама Аня (родная) и мама Лена.

Я училась неплохо. Я знала, что мой дед по отцовской линии был композитором, что он похоронен в Новоспасском. Это рассказывала бабушка. Но это было для меня не досягаемо. После войны, да еще в деревне на уме было только то, что мы будем есть на обед, а что вечером. Весной, после школы шли собирать гнилую прошлогоднюю картошку (тошнотики), потом зазеленела лебеда, щавель. Отец еще ходил в лес и приносил какие-то корни. Их сушили, мололи и добавляли

в лепешки. А когда я была в пионерском лагере в Новоспасском (1946-47 г.) я хотела найти могилу, где похоронен Алексей Владимирович Станчинский. Я знала, что могила где-то рядом с могилой родителей М.И. Глинки. Но мне не поверили и стали подсмеиваться. Я потом старалась об этом не вспоминать.

Весной 1949 года все учащиеся школы вышли на посадку деревьев. До сих пор вокруг запустевшей территории школы растут в два ряда красавицы березы, образуя своеобразный естественный забор. В том же году я закончила седьмой класс и поступила в Ельнинскую среднюю школу (сейчас она носит имя М.И. Глинки). С семьей я была только во время каникул. Иногда ко мне приходила подруга Зина из Ельни. На фотографии я, мой отец и подруга. Сидят мои бабушка и мама, а маленький мальчик – это сын Анны Владимир.

Зинаида закончила Смоленский педагогический институт и сейчас живет на Алтае. Спустя более чем полвека она прислала мне письмо, где вспоминает атмосферу в нашей семье. (Письмо).

Хайми
Зинаида Павловна
18.06.09г.

Мина, дорогая, здравствуй!
Вчера, мне, случилось 76 лет!
Где наши 20, где наши заботы без нас?
Жизнь прошла незаметно, было столько
много и хорошего и не очень, горь, забот.
Такова жизнь и не нам её изменить.
Мне кажется, что нам удалось её про-
жить с достоинством. Мы смогли дать
жизнь нашим детям, дали образование,
помогая тем могли и продолжаем это
делать. Столько прожило нас, а те годы
нашей молодости, так тихо пошла, так
то очень удивительно.

Очень много помню, как мы бродили по
лесу, собирали грибы (а твоя бабушка и ж
нам жарила и заливала сметаной, их
вкус я не забываю до сих пор), орехи и
как твоя мама учил их раскусывать, в работу
сохранить зубы (у меня тогда их не осталось).
Сколько любви и заботы было у т. мамы,
это было неслыханно трогательно, а вот что
со своими заботами, ей было тяжело, но
она несла свой заботы очень спокойно.
Бабушка у себя, Мина, была ангел во
плоти, всем было тепло и комфортно с ней,
а она как Дюймовочка, кизаманай и
тогда заботливая, любящая, добившая.
Я сколько оданно сил, чтобы бороться с тобой
твоей твоей. Это другая беда, если они все, что
сдела Ваша семья для всех нас заботы, пусть
всё останется на их совесть. Жаль, очень, жаль.

Ельнинскую школу я закончила в 1952 году и поступила в
Белорусский политехнический институт. Уже в институте я узнала,
что в Лопатино приезжала сестра Алексея Владимировича Лидия (в
семье ее звали Лиля). Она мне в институт прислала письмо и деньги.

На 5 курсе я вышла замуж за однокурсника Зуя Василия
Ивановича.

Закончила институт в 1957 году по специальности инженер-
механик. По воле судьбы по распределению (было 2 места) мы с
мужем попали на стеклозавод «Великий октябрь» Калининской
области. Я тогда еще не знала, что мой прадед Владимир Николаевич

Станчинский закончил Петербургский технологический институт и работал на стекольном заводе в Новгородской губернии. Приехав по распределению, я начала работать сначала техником, и доработалась до должности главного технолога завода.

Чтобы привести свое образование в соответствие с должностью пришлось в 1967 году поступить заочно во ВЗИСИ, который успешно закончила в 1971 году по специальности химик-технолог. В этот период я несколько раз ездила в Горький. Тогда я познакомилась с семьей Лидии Владимировны, ее дочерью Натальей Перловой и ее внучкой Татьяной, которые мне передали кое-какие вещи, принадлежащие Алексею Владимировичу, и которые я впоследствии передала музею.

В 1969 году, когда мы жили в поселке Великий Октябрь Калининской области, я получила письмо от журналиста Смольского из Минска. Он просил написать о моем отношении к музыке и отношении к музыке моего сына Саши, которому тогда еще не было и четырех лет. Я люблю музыку, но у меня не было возможности обучаться, и не было возможности обучать детей пока мы не переехали в Смоленск. В 1970 году мои родители переехали на постоянное место жительства в деревню Гнездово, что в одиннадцати километрах от Смоленска.

В 1971 году я перевелась на Смоленский электроламповый завод, где работала сначала начальником стекольного цеха, а потом в специализированном конструкторно-технологическом бюро. Когда образовалось в Смоленске отделение ВНИСИ я перевелась туда. Работала заведующей лаборатории стекла. Мы разрабатывали новые виды светотехнического стекла и технологии выработки новых видов светотехнических изделий для заводов всего СССР. Работали в Киргизии, Молдавии, Армении, Мордовии и других уголках страны.

За это время запатентовано 2 изобретения.

Когда Саша учился во втором классе, я узнала что набирают детей в оркестр народных инструментов под управлением В.М.Чугунова в ДК профсоюзов. Я отвела Сашу туда заниматься музыкой, а потом

там стала заниматься и старшая дочь Людмила. Впоследствии это сыграло решающую роль в выборе Сашиной профессии, он свою жизнь связал с музыкой и стал педагогом-музыкантом, руководителем разных детских и взрослых оркестровых коллективов, дирижером.

Моя бабушка, Елена Ивановна Бай, рассказывала о своей жизни, а я записывала. К сожалению она уже путалась в хронологической последовательности, но всегда тепло и ласково отзывалась об Алеше. Говорила, что он был очень добрый, отзывчивый, много читал и многим интересовался. Это тепло и нежность она пронесла через всю свою жизнь. Бабушка умерла в возрасте 96 лет (на 70 лет пережив Алексея). Умирала она на руках моей матери и последним словом, которое она произнесла было слово «Алеша».

Зуй Нина Андреевна родилась 20 мая 1932 года в селе Лопатино Ельнинского района Смоленской области. После начала Великой Отечественной Войны вместе со своей матерью была угнана в Германию для сельскохозяйственных работ. В феврале 1945 года вернулась на родину. В 1952 году закончила Ельнинскую школу и в этом же году поступила в Белорусский политехнический институт, закончив его в 1957 году по специальности инженер-механик. С 1967 по 1971 год закончила заочно ВЗИСИ по специальности химик-технолог. Работала на стекольном заводе «Великий октябрь» Калининской области, Электроламповом заводе в Смоленске, Всесоюзном научно-исследовательском стекольном институте. В настоящее время на пенсии, активный участник общества малолетних учеников.